

Игорь Петраков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 25

ознакомительный фрагмент

ОБРАЗ ГЕРОЯ В РОМАНЕ В.НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»

СПОРЫ ВОКРУГ РОМАНА Ю.ПОЛЯКОВА «ГИПСОВЫЙ ТРУБАЧ»

7 ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА. КОНСПЕКТЫ

СТИХИ

РЕКА ТИШИНА

ОСЕННИЙ АЛЬБОМ

ДЕРЕВЕНСКИЙ АЛЬБОМ

ЮМОРЕСКИ 80-Х

Омск 2021

ИП 2020-12-31

В двадцать пятый том лапидарного собрания сочинений Игоря Петракова вошло исследование о герое романа Набокова «Отчаяние», эссе о романе Ю.Полякова «Гипсовый трубач», а также три сборника стихотворений.

Образ героя в романе В.Набокова «Отчаяние»

Работа над исследованием завершена в сентябре 2020 года

Омск 2020

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Введение.
2. Основная часть. Спектр трактовок.
 - 2.1. Герой как русский
 - 2.2. Герой как преступник
 - 2.3. Герой как «сумасшедший»
 - 2.4. Герой как сновидец
 - 2.5. Герой как ненадежный рассказчик
 - 2.6. Герой как писатель
 - 2.7. Герой в ряду персонажей Достоевского
3. Тема двойника в романе «Отчаяние»
4. «Отчаяние» как интертекст
5. Библиография

1. ВВЕДЕНИЕ

Образ главного героя романа Набокова «Отчаяние» стал предметом споров уже с тридцатых годов прошлого века. Одни авторы видели в нем только преступника, другие — художника и творца. В современной набоковедении, отметим, роман не относится к популярным произведениям писателя. Об "Отчаянии" в "Википедии", например, сказано весьма скупо. "Повествование ведется от лица ненадежного рассказчика. Главный герой, Герман Карлович, берлинский предприниматель, случайно встречает бродягу Феликса, которого считает своим двойником (англ.)русск. . Дела у главного героя идут неважно, и он решает использовать сходство преступным образом. Он уговаривает Феликса переодеться и убивает его, рассчитывая, что смерть Феликса примут за его смерть и его жена сможет получить страховое возмещение. Однако его планам не суждено сбыться: на самом деле между Германом и Феликсом нет ничего общего. Германа арестовывают".
Фабула романа вкратце (в изложении Жана-Филиппа Жаккара) такова:

Главный герой и рассказчик Герман Карлович, коммерсант, который торгует шоколадом, натывается однажды на спящего немецкого бродягу, некоего Феликса из Цвикау, который кажется ему совершенным его двойником. Отсюда возникает идея заманить бродягу в лес, убить его, а затем переодеть в свою одежду с целью обмануть страховую компанию. После этого совершённого убийства, его жена Лида сможет получить крупную страховку на жизнь и приедет во Францию, где будет прятаться в ожидании новой жизни. Продумав все детали, он приступает к осуществлению своего плана и 9 марта в лесу убивает своего бедного двойника. Все идет как по маслу, и, оказавшись во Франции в городе Икс, он собирается исчезнуть. Однако, читая газеты, Герман узнает, что полиция уже нашла на его след и что она пока не знает только личность жертвы: «помню, однако, что сразу понял две вещи: знают, кто убил, и не знают, кто жертва»[100]. Значит, план, который Герман задумал как произведение искусства, как настоящий шедевр, потерпел полный крах. Причина этой неудачи

заключается в том, что он абсолютно не похож на Феликса: сходство оказалось иллюзией. В конце романа Герман ждет в своем номере неминуемого ареста.
("Буквы на снегу.. ")

В финале романа Герман перечитывает свое произведение, ища ошибку - и находит ее:

«...Садись [в машину], скорее, нам нужно отъехать отсюда».

«Куда?» — любопытствовал он.

«Вон в тот лес».

«Туда?» — спросил он и указал...

Палкой, читатель, палкой. Самодельной палкой с выжженным на ней именем: Феликс такой-то из Цвикау.

Именно эту палку персонаж оставляет в машине, а находит ее полиция.

Есть два подхода к изучению образа Германа. Первый берет свое начало от Ходасевича. Он рассматривает Германа в первую очередь как художника, творца, писателя. Подход этот обращает внимание на тематизацию творчества в романе, на творческую сторону замысла произведения. "Драма Германа - драма художника", - считают сторонники этого направления в исследовании романа. Этот подход достаточно плодотворен, ибо позволяет исследовать "писательскую мастерскую Германа", то, как он пишет, стиль его письма.

Сторонники второго подхода обличают Германа как графомана, преступника и сумасшедшего. По их мнению, Герман не достоин никакого снисхождения и любви. Его замысел преступен, а поэтому пагубен для литературного таланта (если таковой у Германа когда-то и был). Этого направления придерживаются большинство современных авторов, которые осуждают героя "Отчаяния". При этом некоторые из них приводят слова Набокова, сказанные о Германе значительно (лет на 30) позже появления романа в печати, в которых Набоков тоже отзывается о Германе с осуждением.

Конечно же, трудно игнорировать праведный гнев представителей второго направления и то, что замысел Германа преступен. Однако в данной работе мы будем рассматривать Германа и как творческую личность, которой Набоков передал часть своих убеждений относительно жизни и литературы и которая создает не лишнюю увлекательности повесть. То есть мы не разделяем полностью мнения авторов второго направления - что роман написан исключительно с морально-этической и дидактической целью осудить нехорошего человека, "преступника".

Легко обличать и осуждать героя, совершившего преступление. Труднее понять его натуру, оценить его как писателя. Труднее оценить, почему Герману Набоков предоставляет свои личные находки в звукописи. Что свидетельствует о том, что герой не так уж "противоположен" автору.

"Унылья, бесплодные места, грохот грузовика на покинутой мною дороге, навстречу грузовику -- телега". Или - "дальний грохот грузовика". Эти фрагменты, в частности, свидетельствуют о том, что свои аллитерации Набоков подарил Герману (в ряде его произведений речь идет о "грохоте грузовиков", грохочущем по городу голосе, громадном градуснике, прогоне для грузовиков - все с инструментвкой строки на "гр").

Образ героя в настоящем исследовании будет нами рассмотрен в нескольких характерных аспектах. Этим мы подчеркиваем, что образ Германа в романе — отнюдь не плоский, не одномерный. Герой этот сложен, как и всякий творческий человек.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ. СПЕКТР ТРАКТОВОК

2.1. ГЕРОЙ КАК РУССКИЙ

Русское происхождение героя напоминает о себе постоянно в течение всего романа. Вот Герман в Тарнице. Ждет своего якобы "двойника". То, что он видит из окна, кажется ему уже виденным - в России.

"Просто все в этом номере провинциальной немецкой гостиницы, -- и даже вид в окне, -- было как-то смутно и уродливо схоже с чем-то уже виденным в России давным-давно". Русские сюжеты не отпускают Германа.

Например, фамилия над булочной "Карл Шпис" - напоминает ему тезку булочника, которого он знал в волжском поселке и который тоже торговал булками. Наконец, памятник в глубине бульвара, напоминает Медного всадника.

"Русская тема" буквально преследует Германа: "я находил в нем вещи, совершенно замечательные по жуткой и необъяснимой близости ко мне: приземистый, бледно-голубой домишко, двойник которого я видел на Охте, лавку старьевщика, где висели костюмы, тот же номер фонаря (всегда замечаю номера фонарей), как на стоявшем перед домом, где я жил в Москве, и рядом с ним -- такая же голая береза, в таком же чугунном корсете и с тем же раздвоением ствола (поэтому я и посмотрел на номер). Можно было бы привести еще много примеров".

Герой вспоминает о русских писателях и их книгах - Пушкине, Тургеневе, Достоевском ("Как-то в Петербурге, будучи в гостях, я сказал: "Есть чувства, как говорил Тургенев, которые может выразить одна только музыка"").

О герое как русском эмигранте пишут И.Саморукова, Т.Г.Мастепак, Е.Полева, А.Питцер, Д.В.Арсеньева и другие. Приведем здесь наиболее знаменательные их суждения.

Андреа Питцер предпринимает попытку проанализировать исторические факты, представленные в романе. Она предлагает нам обратиться к предыстории Германа, касающейся его в жизни в России. Отмечается, что отец Германа - немец, а мать русская. Что по закону делает его немцем. Поэтому когда в 14-м году начинается Первая мировая его как немецкого подданного отправляют в концентрационный лагерь под Астраханью. Он "прозябает" в рыбацкой деревушке, впрочем, много читая (1018 книг). Питцер отмечает, что такой лагерь действительно существовал, и его насельники в 1915 году испытывали голод. Пребывание Германа в астраханском лагере затягивается до 1919 года. "Зная, что при царе мирных жителей годами морили голодом в лагерях, а большевики освободили их, перебив при этом тысячи людей, мы по-другому воспринимаем веру Германа в коммунизм и его готовность убивать" (с. 171). Питцер называет Германа первым по-настоящему отвратительным набоковским героем, расчетливым убийцей, который является бывшим заключенным, почти пять лет просидевшем в концентрационном лагере. Герман - "безусловный злодей". но его нельзя слепо осуждать, но принимая во внимание исторических событий, которые сформировали его характер.

Герой жаждет признания именно его соотечественником — русским читателем. Это особо подчеркивает Набоков. "В последнем романе "Гляди на арлекинов" он представил себе это "возвращение" - полагает Ростислав Кожух. В романе "Подвиг" "Мартын представлял себя в живописной мечте, как возвращается к Соне после боев в Крыму" (Рахимкулова, Синтаксический, 105). По словам Е.А.Полевой, возвращение в Россию хотя бы в тексте, доказывающем его гениальность, очень важно для героя романа "Отчаяние" Германа.

Д.В. Арсеньева в статье ЭКСПЛИЦИТНЫЙ И ИМПЛИЦИТНЫЙ МЕТАТЕКСТ В РОМАНЕ В.НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ» рассуждает о якобы метатекстах применительно к роману писателя. И рассматривает т.н. мотивы метатекста, динамически описываемые единицы разворачивания сюжета, принимающие значение из-за повторений в тексте.

Например: дама в лиловом/сиреневом с веером: . . она. . . в сиреневых шелках, томная, с веером в руке... полулежала... На обертке нашего шоколада изображена дама в лиловом, с веером. . . (Герман о своей матери и о картинке на обертках шоколада); здоровье:...здоровый, прекрасно одетый, я блуждал... (Герман о себе до встречи с Феликсом) прекрасный квадратный мир одинаковых здоровяков? (Герман об идеальном мире); прекрасно одетый господин: . . .здоровый, прекрасно одетый, я блуждал. . . (Герман о себе до встречи с Феликсом) ? ?прекрасно одетый господин (Герман о себе после встречи с Феликсом)

Герой в свете этих повторений предстает как здравомыслящий и хорошо одетый русский - противоположность нервическому Раскольникову из романа Достоевского.

"Герман живет всегдашним прошлым, налагая на восприятие окружающей его среды впечатления, полученные в России", - замечает Крашенинников.

Мастепак подчеркивает, что Герман - полунемец-полурусский. Его "двойник" Ардалион - просто русский. "Ардалион же – русский эмигрант, не имеющий своего угла, вынужденный снимать комнату, из которой его могут выселить за неуплату, художник-неудачник, не имеющий устойчивого дохода, любитель «выпить», неряшливый, неопрятно выглядящий и т. д.". "Герман испытывает к Ардалиону неприязнь и стремится подчеркнуть своё превосходство над ним. Но оказывается, чувство прочности существования зависит не от социального статуса, а от самореализованности, достичь которую Герман не может даже радикальным способом (заимствование имени, устранение соперника, убийство с целью подмены [4])." (с. 39).

Та же Т. Г. Мастепак в статье МОТИВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ И СЕМАНТИКА КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТОПОСОВ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ» подчеркивает, что Герман "отвергнут" Россией как немецкий подданный. Также он не может встроиться с культурный уклад Германии, несмотря на то, что внешне вполне благополучен (как бюргер).

Россия - страна, возникающая в воспоминаниях и мыслях Германа как страна нереализованных желаний. Герман мечтает, чтобы его роман был доступен жителям Советской России.

Речь идет о петербургских воспоминаниях Германа - "в целом воспоминания петербургского детства и юности (учеба в школе, в университете) описаны им сдержанно-позитивно и приводятся осознанно и избирательно для доказательства своей начитанности, интеллектуальности, зарождающейся литературной гениальности" (с. 114). Они чтобы актуализируют "петербургский код" русской литературы.

Воспоминания о России вызывают у Германа внутренние дворы, задворки, изнанка фасадов зданий.. Через эти воспоминания выявляется затаенная обида Германа на то, что его выбросили из России как "мусор".

Е.А. Полева в статье НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ГЕРОЯ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ» (Вестник Томского госуниверситета, 2009, №4) выделяет Германа как носителя 2-х культур - немецкой и русской. Повесть его адресована именно русскому читателю.

Замечено, что И.Саморукова ограничивает анализ национальной принадлежности героя сюжетами о двойниках: в «...“культурной подкорке” полунемца-полурусского Германа помимо западного обнаруживает себя и “русский тип” двойников, только запрятан он еще глубже, и на фабульном уровне рукописи персонажа-автора почти не проявлен» (с. 77).

"Национальная идентификация героя «Отчаяния» протекает подсознательно, она реконструируется в сюжете из его версии своего происхождения, его автопортрета, его оценок произведений Ф.М. Достоевского, А.С. Пушкина, К. Маркса, из воспоминаний прошлого и анализа своего литературного творчества" (с. 78).

Происхождение и личная судьба Германа, как утверждает автор статьи, связывают его с двумя аксиологическими парадигмами - немецкой и русской. Отмечено, что европейские ценности для него неабсолютны. Фантазии Германа говорят о таких его ориентирах, связанных с Россией, как дворянстве и интеллигентстве, которые соотносятся с богемной жизнью, с возможностью творить.

В памяти Германа жив образ России - "У Германа отсутствуют воспоминания, связанные с десятилетним пребыванием в Германии, тогда как воспоминания о жизни в России постоянны, навязчивы и эмоционально окрашены". А повесть Германа рассчитана на русского читателя - "текст он пишет по-русски и выражает надежду, что его «повесть» будет известна русскоязычному читателю: «...написано-то по-русски, и не все переводимо...»".

Если в истории Германии Герман планирует остаться как автор преступления, то в истории русской культуры - как герой гениальной повести - «...чтобы добиться признания, оправдать и спасти мое детище, пояснить миру всю глубину моего творения, я и затеял писание сего труда» (цит. по: Е.А.Полева, с. 82).

В выборе писать повесть по-русски проступает его обида на немца, не способного оценить его творческих усилий, признать его гений. От русской, в особенности, советской публики Герман ожидает более прочувственного отношения к своему произведению. Отмечено, что Германа связывают с Россией личные воспоминания, язык, знание культуры, воспитание. Наибольшую связь с Россией герой ощущает в воспоминаниях. "Воспоминания детства редуцированы (школьные годы – переделка сюжета «Выстрела» Пушкина на уроке [9. С. 359] и его имитация в поступках: «деловито расстреливал» рожи», нарисованные на деревьях [9. С. 360]); затем университет, Петербург – культурная столица; «во время войны», маргинальное существование «в рыбацьем посёлке неподалеку от Астрахани», откуда «пробрался чудом в Москву сквозь мерзкую гражданскую смуту» [9. С. 360], и вынужденный переезд по причине национальной нетерпимости, проявленной к немцам в годы войны" (с. 83).

Воспоминания отрочества связаны со становлением и развитием способностей Германа, которые он оценивает как исключительные. Воспоминания молодости - астраханская ссылка - из тех, которые Герману хотелось бы скорее забыть. Но они тем не менее отчетливо проступают сквозь немецкую "реальность".

Герман ориентируется в своем творчестве на образцы русской литературы - например, на Пушкина или Достоевского. "При этом идеал пушкинской «обители дальней трудов и чистых нег» профанируется Германом: «чтобы никаких дел», быть «честными рантье» [9. С. 362]. А отталкивание от Достоевского на протяжении всего повествования в финале приводит к пониманию соответствия Раскольникову. Отгоняя возможное сопоставление, Герман говорит, что «о каком-либо раскаянии не может быть никакой речи» (там же).

2.2. ГЕРОЙ КАК ПРЕСТУПНИК

По мнению Н. Мельникова, в основу сюжета романа легли два преступления, прогремевшие в Германии весной 1931 года. Оба преступника пытались получить страховку, выдав за себя обгоревшие трупы убитых ими людей. Преступления, можно сказать, удались и были раскрыты случайно. (Мельников Н. Криминальный шедевр Владимира Владимировича и Германа Карловича // Волшебная гора. 1994. № 2. С. 151–165). См. также: Zimmer D. E. Nachwort des Verlegers // Vladimir Nabokov. Gesammelte Werke. 3. Band. Reinbek bei Hamburg, 1993. S. 561–581

Вяч. Курицын осуждает Германа как преступника. По его мнению, Герман идет на преступление не от большого ума. Критик сравнивает героя со слепцом и замечает, что Ардалион рисует его портрет без глаз, оставляя их "на потом": "напомню, что слепота Карловича делает его убийцей".

Здесь же приводится цитата из рассказа "Подлец" - "Всякий пессимист человек до смешного ненаблюдательный" (с. 217).

Речь идет также о "легендарной слепоте рогатого мужа", как в "КДВ", где Драйер не замечает связи жены с Францем.

Сам Герман не уверен в том, что является преступником, что его можно судить за убийство. "Поскольку не так-то просто понять, в какой момент прямоходящее существо обернулось человеком, когда перейдена грань, после которой софисту приходится туго" (В.Курицын, с. 104).

В разоблачении автором "Отчаяния" преступления Германа Бойд видит свою мораль. По морали Бойда, преступление содержит в себе всегда зерно изъяна - "безумные притязания" на господство над другими людьми.

Герман считает себя гением. Между тем, по наблюдению Бойда, махинации со страховкой - одни из самых банальных преступлений. "Ослепленный блеском своего замысла, Герман не видит того, что может увидеть каждый в его мире, — что между ним и Феликсом нет никакого сходства. Быть может, наиболее абсурдно то, что Герман непоколебимо верит в свой счастливый брак, нимало не подозревая, что жена беззастенчиво изменяет ему со своим двоюродным братом, художником Ардалионом".

Герману свойственно сознание собственной исключительности - к которой для него "сводится весь мир". Он никак не может предположить, что Лида может кого-то полюбить больше, чем его.

Бойд утверждает, что Герман хотел избавиться от Ардалиона, а не от Феликса. Резким контрастом повествованию от лица Германа становится письмо Ардалиона. "После почти двухсот страниц самовосхваления Германа — каким бы прозрачно незаслуженным оно ни было — ошеломляет то неприкрытое и абсолютно оправданное презрение, которое испытывает к нему Ардалион, халтурщик, прихлебатель и слабовольный пьяница, до сих пор казавшийся лишь персонажем грязноватого анекдота. Несмотря на все то, что корбит в его письме, очевидно, что Ардалион испытывает к Лиде сострадание, на которое Герман не способен".

Итак, Герман, по мнению Бойда, уверен, что он - центр вселенной. Он полагает, что гениален настолько, что может совершить идеальное убийство.

"По мысли Набокова, преступник не замечает того, что хорошо знает истинный художник, — между мечтами человека и отрезвляющей действительностью лежит пропасть". Цель Германа, как ее трактует Бойд, - обеспеченная жизнь с женой. Она "банальна", как и пути ее достижения, считает Бойд.

О разоблачении героя как преступника говорил и Сартр. Валерий Черкасов в диссертации "Литературная критика о Набокове и полемика с ней в творчестве писателя" пишет, что рецензия Сартра на "Отчаяние" - очень содержательна. "очень содержательная рецензия французского философа и писателя на роман Набокова «Отчаяние»(42). Выводы Сартра во многом продолжают тему «цельности повествования» в романах Набокова, открытую Хохловым (25 4), и тему «саморефлексии» Набокова, открытую Вейдле (117). Однако, в отличие от Хохлова, Сартр не увидел пресловутой «цельности», в частности, в романе «Отчаяние»".

Сартр верно замечает, что уже после совершения убийства Герман начинает сомневаться в своем сходстве с бродягой. "Так саморазрушается преступление", преступление, которое Герман мыслил как идеальное.

Е.В.Егорова считает, что преступление совершено героем из корыстных побуждений. Доказательство - анаграмма "олакрез" (зеркало), встречающаяся в тексте. "В анаграмме прочитывается имя лидийского царя Креза, знаменитого непомерным богатством. Это намек на корыстный мотив преступления Германа" (с. 16).

Егорова пишет об игре слов в романе, которой увлекается Герман. "Так, перед первой встречей с двойником его развлекало то, что он «глядел на вывески, находил слово, таившее понятный корень, но обросшее непонятным смыслом» [С. 335]. С той же откровенностью он признается в следующем:

«Мне нравилось – и до сих пор нравится – ставить слова в глупое положение, сочетать их шутовской свадьбой каламбура, <...> заставить врасплох» [С. 360].» (с. 17).

Предпринята попытка расшифровать такую игру слов - "ветер - ветеринар" и "томат - автомат". Томат, вернее томатный соус, появится после того, как Герман узнает о провале своего преступления. Его рука окажется "загажена томатовым соусом". Так автор напомнит о пролитой крови Феликса. А слово автомат развивает тему автоматизма. Как известно, германа "привлекает механистичность движений и поступков в противовес «живой жизни»" (с. 18). Во французской гостинице Герман почувствует, как «все лица автоматически поворачиваются», когда он проходит рядом. Также в воображении Германа Феликс спускается мимо «автомата с шоколадом».

Кроме того, Герман цинично забавляется «безмозглым автоматизмом покорности» Феликса. Расшифровка такова: из механической куклы может литься человеческая кровь. Каламбур предсказывает гибель Феликса.

Говоря о мотиве ветра, исследовательница приводит такие цитаты из романа.

1. «...ветер вырвал у меня огонь, наконец я забился в подъезд, надул ветер – какой каламбур!»
2. Герман описывает свою мать «с веером в руке», в то время как «наливались сенокосным ветром лиловые паруса спущенных штор».
3. Есть и «ухание ветра», «ветренная синева майского дня» [С. 336], «ветренная ночь» [С. 370].
4. Видим, как «бушует ветер» [С. 358], «дрожат на ветру одуванчики» [С. 335], «испанский ветер» треплет в саду «цыплячий пух мимоз».
5. Герман признается, что у него «ровным счетом» 25 почерков, и один из них «ветренный» [С. 380]
6. Ветер усиливается в тот день, когда в газетах появляется известие о совершенном героем убийстве. Ветер тогда же «оглушает» [С. 449] его, едущего за свежими газетами. Когда же «ураганный ветер» прекратился, Германа «обдало чем-то тихим, райским».

Самое главное высказывание героя, считает Егорова, - «ветер туманит счастье Нарцисса» [С. 341].

Герман боится ветра, заставляющего предметы двигаться, стирающего четкие их границы, "пробуждающего природу". Советским ветер назван потому якобы, что Герман симпатизирует марксизму и коммунизму ("великой, нужной вещи"), мыслит двойничество («вера в свое грядущее единообразие») философией социализма, мечтая понравиться читателям в СССР.

В слове "ветеринар" ветер - советский, потому что слово оканчивается на "нар" - сокращение от "народный", модное в первые годы советской власти в СССР. "Герой замечает «господина в пальто, с съехавшим на бок механическим галстуком, с беременным саквояжем на коленях». «Вероятно, ветеринар» [С. 365], – уподобляясь Шерлоку Холмсу, из внешних примет герой делает вывод о профессиональной принадлежности незнакомца".

Фрагмент рассказа о матери - "полулежала в качалке обмахиваясь, кушала шоколад, и наливались сенокосным ветром лиловые паруса спущенных штор" - напоминает о панталонах, висящих на веревке, которые в романе тоже надуваются жизнью - от ветра. С ветром Герман в сложных отношениях, как и с зеркалами. Мотиву ветра в "Отчаянии" посвящены несколько исследований, о которых я пишу в этой работе.

Еще один фрагмент - "Был продувной день, голубой, в яблоках; ветер, дальний родственник здешняго, летал по узким улицам". Возможно, ветер, вмешивающийся в дела Германа символизирует - через движение сил природы - присутствие деятельного и не признаваемого Германом Создателя.

В. Ю. Лебедева в статье "Герой как «антиавтор» в романе В. Набокова «Отчаяние» утверждает, что Набоков в своем произведении отстаивает идею о примитивной сущности преступлений (заявленную еще в "КДВ"). Исследовательница обличает исполнителей преступлений, говоря, что их удел - "деструктивные наклонности, агрессивная посредственность". Герман является якобы "воплощением пошлости".

Лебедева спорит с С.Семеновой, считающей, что Герман - "альтер эго" автора, - приводя слова героя о том, что он относится к "сливкам мещанства". Германа нельзя называть "альтер эго" автора, считает Лебедева, еще и потому, что он симпатизирует коммунистам, к которым Набоков "относился негативно".

Герман, замечает Лебедева, еще и создает силлогизм, оправдывающий его преступление - с точки зрения теории эволюции - «Предположим, я убил обезьяну. Не трогают. Предположим, что это обезьяна особенно умная. Не трогают. Предположим, что это обезьяна нового вида, говорящая, голая. Не трогают. Осмотрительно поднимаясь по этим тонким ступеням, можно добраться до Лейбница или Шекспира и убить их, и никто тебя не тронет, - так как все делалось постепенно, неизвестно, когда перейдена грань, после которой софисту приходится худо» [4, III, с. 526-527].

Здесь Набоков сводит счеты с дарвинизмом, столь близким сердцу коммунистов, поставившим человека на одну планку с представителями животного мира".

Герман антипатичен автору, он, считает Лебедева, использует ничего не подозревающего ребенка в своих целях (просит девочку опустить письмо в ящик) (Еще о теме письма в романе. О Лиде сказано так - "дать ей опустить письмо равнялось томву, чтобы бросить его в реку, положась на расторопность течения и рыболовный досуг получателя" (цит. по: В.Курицын, с. 419)).

Герой к тому же - убежденный атеист, автор изречения: «Если я не хозяин своей жизни, не деспот своего бытия, то никакая логика и ничьи экстазы не разубедят меня в невозможной глупости моего положения – положения раба Божьего..." Лебедева полагает, что в финале Герман предстает как раз в виде "раба Божьего", не постигшего своим умом "сложный рисунок жизни".

Вывод: Герман выступает сознательным идейным и творческим противником Набокова. Таким образом, жанр "Отчаяния" - "роман-обличение". А прямые взгляды писателя в произведении якобы выражает художник Ардалион .

О Германе как о преступнике размышляет Мастепак:

Убийство для Германа становится неудавшимся актом самоутверждения и перерождения. Сменив внешность и присвоив чужое имя, он не изменил свою сущность, не обрел цельности и цели существования. Условного перемещения-превращения в другого человека не произошло, а чувство пустоты возникло вновь. Все планы, которые центральный персонаж намеревался воплотить после убийства, не были реализованы, кроме того, он впадает в состояние отчаяния.

(Мотив, с. 115)

Также замечено, что в романе - налицо метания личности, которая никак не может найти свою самость. "Авторская позиция же состоит в том, что выбор неморальных средств для постижения своих целей не может укрепить личности изнутри, как невозможно достижение гармонии с собой без труда, без внутренней работы".

Герой сам факт преступления, по словам Стрельниковой, считает «жалким фарсом», где преступник – игрок манипулирует «остальными, как марионетками» (В. Ходасевич).

Причина преступления видится исследовательнице в полной духовной деградации "поэта" и героя романа. Он предстает как морально неполноценный человек, поэтому и творческий путь Германа несовершенен.

Итак, "убийство, совершенное Германом, становится профанацией искусства, поскольку оно отдает обыденностью, заурядностью и одновременно неоправданной жестокостью, лишаясь эстетического флера: «Он повернулся, и я выстрелил ему в спину» [Там же, с. 437]. Нравственная сторона вопроса «убить-не убить» Германом отброшена, но, уподобившись в реализации своего плана обычным убийцам, он сам интуитивно чувствует несовершенство своего творения" (Двойничество, с. 187).

Герман обращается к читателю-зрителю, тщась его убедить в том, что убийство - это игра писателя, вид искусства, зрелищный фокус, который является сюжетом его повести - «Поговорим о преступлениях, об искусстве преступления, о карточных фокусах...» Он убивает своего ненастоящего, мнимого двойника (сходством с которым так восторгался - а о том, что это двойник мнимый писал сам Набоков - «Феликс из "Отчаяния" - это на самом деле мнимый двойник»).

Качества героя Стрельникова переносит на автора, утверждая, что последний является жестоким модернистом:

Таким образом, убийство человека трактуется героем, да и самим автором, как источник вдохновения для творчества, когда стирается грань между этическим и эстетическим, приводящая Германа к ситуации «за чертой» нравственного, но и в этом случае он не в состоянии поставить предел своему желанию возвыситься над всеми: «Отворить окно, пожалуй, и произнести небольшую речь» [9, т. 3, с. 462]. В заключение следует отметить, что в игровой поэтике В. Набокова преобладает антигуманистическая установка модернистской эстетики, в рамках которой смерть человека не вызывает сострадания.

(Двойничество, с. 188)

Как видим, спектр трактовок позиции писателя в "Отчаянии" велик - от идейного гуманиста до подлинного "антигуманиста".

2.3. ГЕРОЙ КАК «СУМАСШЕДШИЙ»

Говоря о герое Набокова как о «сумасшедшем», следует вспомнить эпитафию к «Приглашению..» - «Как безумец считает себя Богом, так и мы верим в то, что смертны». Именно отрицание существования Бога позволяет нам рассмотреть образ Германа в контексте галереи безумцев русской литературы.

Павел Кузнецов в статье "Утопия одиночества", опубликованной в 1992 году в "Новом мире", говорит так: "Если у молодого берлинского писателя Сирина Бог еще присутствует в стихах и рассказах, то со временем Набоков подобно выдуманному им мыслителю Делаланду, отказавшемуся обнажить голову перед смертью, откажется сделать это и перед Богом. И напишет, например, так: "к писанию прозы и стихов не имеют никакого отношения добрые человеческие чувства, или турбины, или религии, или духовные запросы, или "отзыв на современность"" (из письма Зинаиде Шаховской)" (с. 243). Поистине, "аморалист" Герман родился не случайно.

Вина Германа - еще и в том, что он признает только личную, индивидуальную "реальность" и - отказывается принимать на веру "общую сказку". Приведем еще одну цитату из П.Кузнецова. ""Реальность, - писал Набоков, - бесконечная вереница шагов, уровней понимания".. Какая может быть единая "реальность", когда, скажем, большинство людей видят, как по вечерам хозяин выводит выгуливать свою собаку, но для Набокова все иначе - это пес выводит на прогулку своего хозяина" (с. 244).

По мнению Павла Кузнецова, "отпечаток нивелирующей всеобщности" уже лежит на теме, касающейся Бога. "Я не могу, не хочу в Бога верить, - говорит герой "Отчаяния", - еще и потому, что сказка о нем - не моя, чужая, всеобщая сказка, - она пропитана неблагоприятными испарениями миллионов других людских душ, повертевшихся в мире и лопнувших".

В романе "Пнин" есть похожий иронический выпад. Там говорится о Православной Церкви как о "благостной общине, так мало требующей от совести по сравнению с теми утешениями, которые она сулит" (П.Кузнецов, 1992, 245).

Павел Кузнецов делает вывод о том, что никакая "соборность" в мире Набокова попросту невозможна. И если А.С.Хомяков посвятил свою жизнь доказательству того, что истина недоступна отдельному человеку, а может открыться лишь соборно, в Церкви, то у Набокова речь идет о совершенно обратном. Его Бог - тот, кто "окружает так щедро человеческое одиночество", Бог, открывающий избранным восхитительную подкладку бытия, - Бог личный.

По наблюдению Вяч. Курицына, герой "Отчаяния" не верит в религиозную картину мира потому, что "все норвят надуть". "Предъявят на небесах родственников, а это могут быть поддельные родственники, и никак не проверишь".

Но на вытоптанном месте не построить новой стройной нравственной системы. Все эти рассуждения Германа о нелогичном устройстве мира и сомнения в существовании Бога "ведут к отрицанию нравственности" (Л.Целкова) - к выводу о том, что "все позволено".

Герман забывает на время о том, что уверенность в Боге, придающая жизни смысл, гораздо привлекательнее возможности безнаказанно поступать дурно (мысль Жана-Поля Сартра, столь не любившего "Отчаяние").

Отрицание существования Бога приводит Германа к теме небытия. Герой заявляет: "Я все приму, пускай - рослый палач в цилиндре, а затем - раковинный гул вечного небытия". "Лейбниц, - пишет Борис Аверин, - здесь не назван, и все же отсылка к нему в романе содержится. Его имя появится в финале.. перед тем, как назвать Лейбница, Набоков несколькими строками выше повторит слова "раковинный гул вечного небытия". А еще чуть выше герой-атеист заявит: "Зеркала, слава Богу, в комнате нет, как нет и Бога, которого славлю"" (с. 62).

Мастепак и Полева пишут, что атеист Герман "пытается убедить себя и читателя в том, что он является сам себе господином (его имя в переводе с немецкого означает «господин человек»): «... идею Бога изобрел в утро мира талантливый шалопай»" (с. 49). Конкурента себе Герман видит не в Боге, а в "природе-обманщице", одно из проявлений которой - мешающий Герману ветер. "По сути, замысел убийства двойника, названного Германом гениальным творением искусства, означает для

самого персонажа попытку победить природу рукотворно. Он считает, что имеет право исправлять «недостатки, мелкие опечатки в книге природы» [21, с. 342] в своих интересах" (там же).

Герман стремится перехитрить стихию, но победа его над природой - мнимая, ложная. В культурной традиции, замечают исследовательницы, мотив противоборства человека со стихией представлен в двух аспектах. В случае с положительным героем он преодолевает ветер, бурю - которые посланы для испытания его душевных сил. В случае с героем-имморалистом буря выступает как знак предупреждения или наказания за гордыню. Сравнивается "Сказка о рыбаке и рыбке" Пушкина и "Отчаяние". В финале первой на море - "черная буря". В финале второго - "безпрестанный, все сокрушающий мартовский ветер". Это наказание за нарушение границ дозволенного (старуха захотела стать владычицей морскою, а Герман убил Феликса).

Вывод: мотив ветра в романе дан как знак авторского несогласия с персонажем, решившим нарушить моральные и бытийные законы. А через мотив безветрия Набоков утверждает мысль (в духе экзистенциализма) о том, что человек обладает свободой воли. Наказание для эгоцентрика неминуемо, считают исследовательницы. Оно - в сомнении в самом себе.

Е.А. Полева в статье ЭТИКА ПОСТУПКА И ЭТИКА ПИСЬМА В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ» пишет, что у Германа есть комплексы, которые он проецирует на других персонажей. Герман бездарен? В этом он обвиняет Ардалиона. Герман чувствует себя недостойным любви? Под руку ему подворачивается Лида, которую герой считает недалекой, ограниченной. Ардалион рисует портрет Германа. Герман узнает себя на этом портрете, но характеризует его как «чудовищный», «розовый ужас моего лица», «подкрашенная дохлятина».

Сознание Германа - тоже не образец для подражания. В нем происходит "замещение понятий" - неудовлетворенность собой проявляется в сопоставлении себя с другими, и Герман убежден в своих преимуществах перед Ардалионом или супругой.

Обезбоженное сознание Германа Полева называет "нерелигиозным". И приводит слова критика Ерофеева. "Как считает В. Ерофеев, Набоков доверил Герману собственные сомнения в наличии Бога и бессмертия. По мнению исследователя, из отрицания Бога проясняется особенность набоковской этики: «...абсолютно одинокое «я» (под которым Ерофеев понимает самого Набокова и «плеяду его романых «двойников». – Е.П.) становится невольным ницшеанцем<...>, и тогда вырабатывается особый комплекс морали, в чём-то оппозиционный по отношению к предшествующей, христианской этике»". Однако попытка построить на шатком основании отрицания Бога собственную философскую, нравственную систему оборачивается крахом, как оборачивается крахом замысел Германа об "идеальном преступлении". Кроме того, образ Германа в этом отношении, считает Полева, - опровержение системы Фрейда, которого так не любил Набоков. Германа после убийства не мучает совесть, он не собирается свести счеты с жизнью, напротив, надеется на лучшее, - «А самое замечательное, что всё это может ещё продлиться, то есть не убьют, а сошлют на каторгу, и еще может случиться, что через пять лет подойду под какую-нибудь амнистию и вернусь в Берлин, и буду опять торговать шоколадом» (с. 34).

Вывод: таким образом, поведение Германа внешне иллюстрирует концепцию Фрейда, но мотивация его поступков и отсутствие раскаяния как необходимого, по Фрейду, следствия нарушения установленного в культуре закона, опровергают теорию психоанализа.

"Объясняя свое равнодушие к религии, Герман очень по-набоковски назовет ее «всеобщей» (III, 394) сказкой, отдавая, впрочем, безусловное предпочтение «плеску многоочитых ангелов» в сравнении с «кривым зеркалом, в которое уходит, бесконечно уменьшаясь, самодовольный профессор физики» (О.Сабурова, Автор..)

Герман утверждает - "Литература - это любовь к людям". В то же время, отрицая Бога, он не имеет любви к ближнему, любви к человеку как образу и подобию Божьему. На практике это воплощается в его насмешливо-презрительном отношении к жене, Орловиусу и Ардалиону. Вот фраза, которую Герман читает в книге своей жены (она отчеркнута там): ""Любовь к ближнему, проговорил сэръ Реджинальд, не котируется на бирже современных отношений".

Вкусы жены Герман описывает со скепсисом, свои же считает достойными подражания. "Я был для нея идеалом мужчины: умница, смельчак. Наряднее меня не одевался никто, - помню, когда я сшил себе новый смокинг с огромными панталонами, она тихо всплеснула руками, в тихом изнеможении опустила настул и тихо произнесла: "Ах, Герман..." -- это было восхищение, граничившее с какой-то райской грустью".

Мораль романа - в том, что сумасшествие Германа приводит его от счастья к отчаянию. Вспомним слова его из главы 2 - "А я был довольно счастлив". Так же счастливы, "по-своему счастливы" и другие герои Набокова, с которыми в прозе писателя случаются различные казусы.

На то, что ближе писателю художник Ардалион говорит лексема "набокой" в характеристике его картины - "За комнату он не платил месяцами или платил .. натурой, - какими-нибудь квадратными яблоками, разсыпанными по косою скатерти, или малиновой сиренью в набокой вазе с бликом". Ардалион награжден автором и приметой религиозности - в отличие от Германа - (о дороге) "Он говорил, что знает ее, как Отче Наш". Ардалион крестится прежде чем нырнуть, а на его груди есть нательный крест "мужицкого образца".

На участке Ардалиона есть озеро, а это, как известно читателю из рассказа "Озеро, облако, башня" - признак близости к автору.

Лина Целкова рассматривает историю "сумасшествия" Германа, говорит, что герой "потерял связь с миром" (а этого делать, по ее мнению, никак нельзя). Выделяет "симптомы", выдающие болезнь затворника, которые очевидны в отдельных действиях Германа. "Не бреется уже давно. Не смотрится в зеркало" (подробнее о мотиве боязни зеркала у Набокова - смотри в моем исследовании "Основы сюжетосложения в прозе Набокова"). Причем на каком-то этапе в лице Германа происходит соединение "героя "Двойника", человека, страдающего раздвоением личности, и человека из подполья (во второй главе)".

Называет героя "слабоумным", что как будто нивелирует значимость его высказываний о Достоевском в романе - ".. но поскольку все суждения и оценки повествователя в романе подвергаются последовательной дискредитации, то и уничижительные отзывы о Достоевском могут быть отнесены на счет его слабоумия". С добродетельным пафосом здравомыслящего человека исследовательница пишет об "убогости" Германа и "пустоте его преступного сознания". И приводит длинную цитату из Долинина, согласно которой Герман - скверный наблюдатель, преступник и хроникер из разряда "глухих слепцов с заткнутыми ноздрями", игнорирующий подробности и совершающий одну ошибку за другой, и к тому же - невнимательный читатель. Он прочитывает Достоевского "на поверхностном уровне", игнорируя худ. глубину его текстов и тем самым "выдает себя", обнаруживая свое родство даже не с Раскольниковым, а с гоголевским безумцем. Так же он обнаруживает якобы сходство со Смердяковым.

Кто такой Герман, по мнению А.Долинина? Глупец, преступник, "выродок", мстящий миру за свое собственное несовершенство. Не зря же он говорит о лакеях, которые в России играли на гитарах летними вечерами - это намек якобы на "Братьев Карамазовых" - на главу с названием "Смердяков с гитарой".

"В романе под сомнение берется само понятие дружбы, - пишет Л.Целкова, - обнаруживается безнравственность соединения всех героев романа в любые традиционные союзы: муж и жена, брат и сестра, друзья. Видна насмешка над внешней благопристойностью, установленными рамками бытовой жизни, которые по сути оказываются циничными, лишенными какой бы то ни было опоры" (с. 140).

Автор как будто "заражается" у своего героя нравственным скептицизмом.

Бажанова выделяет набор качеств героя, якобы свидетельствующих о его душевной болезни. "Герман страдает нервным расстройством", - считает исследовательница. Приведем здесь некоторые выделенные ей симптомы:

1. Часто он чувствует себя "нехорошо", у него "чешется" сердце при написании исповеди, наблюдаются "признаки удушья", нарушение сна (роман написан за неделю), плаксивость, резкая смена настроения, ощущение страха не успеть закончить произведение.
2. Автору сообщения кажется, что ему мешают писать (хотя "текст" он пишет в одиночестве). "Неоднократное упоминание памяти" якобы позволяет предположить, что тот, кто перебивает Германа, - это его память.
3. Герман признается в "обсессиях": "Этот одинокий столб превратился для меня впоследствии в навязчивую идею.. Увидев его впервые я как бы его узнал".
4. Герман - нарцисс, - много говорит о себе, считает себя идеальным человеком и мужем. О других людях (жена, Орловиус, Ардалион) он крайне невысокого мнения и не уважает их.
5. Находит Бажанова у Германа и дисморфобию - психическое расстройство, при котором человек уделяет большое внимание особенностям своего тела. Герман, например, считает себя идеальным.
6. Предположено, что Герман страдает обсессивно-компульсивным расстройством, об этом якобы свидетельствует то, что он агрессивно обращается к читателю - "Я желаю во что бы то ни стало, и я этого добьюсь, убедить вас всех, заставить вас, негодяев, убедиться, .. о чем идет речь" (Казанская наука, №12, 2018, 19)

Бажанова в русле учения Фрейда говорит о сознательном и бессознательном у Германа. Последнее якобы "написано и озаглавлено "Отчаяние"".

Заметим, что критики, объявлявшие набоковского героя сумасшедшим, поневоле повторили логику рассуждений полицейских из романа:

.. полиция с блестящей последовательностью удивилась тому, что я думал обмануть мир, просто одев в свое платье человека, ничуть на меня не похожего. Глупость и явная пристрастность этого рассуждения уморительны. Основываясь на нем, они усомнились в моих умственных способностях. ("Отчаяние")

Позже, значительно позже Набоков тоже осудил своего героя - в предисловии к английскому переводу романа (1965), назвав Германа «негодяем и психопатом». Набоков сам в предисловии к английскому переводу романа предостерегал от восприятия романа как оригинального нравоучения:

"Отчаяние", подобно всем прочим мои книгам, не предлагает никакого общественного комментария, не приносит в зубах никакого назидания. Книга эта не поднимает нравственного органа человека и не указывает человечеству верный выход. В ней гораздо меньше "идей", чем в тех сочных, пошлых романах, которые так истошно превозносятся в коротком гулком проулке, где ахи и шиканье перекликаются эхом.

Композиция книги - проста, сюжет - симпатичен, считает писатель. "В книге масса увлекательных разговоров, читать же последнюю сцену с Феликсом в зимнем лесу – одно удовольствие".

Герой - "душевнобольной негодяй", как и Гумберт Гумберт.

И далее писатель добавляет - ""Обитель дальная", куда сошедший с ума Герман в конце концов удирает, удобно расположена в Руссийоне, где за три года перед тем я начал сочинять свой шахматный роман "Защита Лужина". Мы покидаем там Германа на невозможной, предельной высоте полного краха".

Э.Филд интерпретировал роман как бред "самодовольного психопата", "отчаяние» которого преимущественно сексуального характера из-за боязни собственной гомосексуальности" (что напоминает нам отзыв одного из персонажей "Соглядатай" о Смурове).

Образ Германа как рисунок сумасшедшего понимал Жан-Поль Сартр. Он возводил его происхождение к героям Достоевского. Герман, по его мнению, "в большей степени, чем на своего двойника Феликса, похож на персонажей «Подростка», «Вечного мужа», «Записок из мертвого дома» — на всех этих изощренных и непримиримых безумцев, вечно исполненных достоинства и вечно униженных".

Отличие в том, что Достоевский "верил" в своих героев, а Набоков - "не верит". Он якобы пользуется приемами Достоевского, хотя и осмеивает их по ходу развития повествования.

"Отчаяние" Сартр характеризует как курьезный труд — роман самокритики и самокритика романа. Набоков высмеивает якобы "ухищрения классического романа", но не предлагает ничего взамен (в отличие от Жида). "Закрывая книгу, читатель думает: «Вот уж воистину много шуму из ничего». И потом — если Набоков выше романов, которые пишет, зачем ему тогда их писать? Так, пожалуй, скажут, что он делает это из мазохизма, что ему доставляет радость поймать себя самого за надувательством. И наконец: я охотно признаю за Набоковым полное право на трюки с классическими романскими положениями — но что он предлагает нам взамен? Подготовительную болтовню — а когда мы уже как следует подготовлены, ничего не происходит, — великолепные миниатюры, очаровательные портреты, литературные опыты. Где же роман?"

Сартр, кроме того, сравнивает Набокова и его героя, находя в них общую черту - "Оторванность от почвы у Набокова, как и у Германа Карловича, абсолютна. Они не интересуются обществом — хотя бы для того, чтобы против него взбунтоваться, — потому что ни к какому обществу не принадлежат. Именно это в конце концов приводит Карловича[79] к его совершенному преступлению, а Набокова заставляет излагать по-английски сюжеты-пустышки".

Андреа Питцер в книге "Тайная история Владимира Набокова" (М., 2016) называет Германа "еще одним" набоковским безумцем. Но если гроссмейстер из "Защиты Лужина" безобиден, то Герман попросту "опасен". "кроме того, набоков доверил сумасшедшему герою самому поведать свою историю, показав безумие изнутри. Не первый случай для Набокова: к тому времени он закончил повесть "Соглядатай", где рассказчиком выступает свихнувшийся русский эмигрант" (с. 169).

Если послушать Андреа, то получается, что в прозе Набокова - как в стране чудес Кэрролла - одни ненормальные, свихнувшиеся и сдвинувшиеся. Итак, перед нами - "исповедь сумасшедшего", причем с неожиданным поворотом, который все ставит с ног на голову. "роман также весьма прозрачно

отсылает к Достоевскому, пародируя мотив двойничества. Правда, в "Отчаянии" нет ни раскаяния в преступлении, ни явных уроков, которые можно было бы из него извлечь" (там же).

О "сумасшествии" героя пишут Т.Г.Кучина и М.Ю.Третьякова так - "Между автором и его героем возникает соперничество. Проекцию автора нетрудно угадать в том русском литераторе, который живет поблизости, хвалит слог Германа и, вернее всего, украдет его вещь. Но настоящий автор смеется: он разрушает идеально симметричную, из десяти глав, повесть Германа об идеальном убийстве одиннадцатой главой, превращая ее в роман о сумасшедшем убийце" (с. 163).

Отметим, что эгоизм Германа в финале действительно приводит его почти к мании - "Я сидел на конце улицы на скамейке, и кругом поселяне занимались своим делом, т. е. притворялись, что занимаются своим делом, а в сущности с неистовым любопытством, в каких бы позах они ни находились, из-за плеча, {199} из подмышки, из-под колена следили за мной, -- я это отлично видел". "А ведь он ошибается", - сказали бы два персонажа с Матюхинской улицы из "ПНК".

2.4. ГЕРОЙ КАК СНОВИДЕЦ

Во сне Герман видит отчетливо своего двойника - именно во сне сходство с двойником становится идеальным (а что если это всего лишь, как выражается Герман, мелкий демон-мистификатор?) - "и вот возникал перед самым моим лицом, как будто из меня выйдя, затылок человека, с заплечным мешком грушей, он медленно уменьшался, он уходил, уходил, сейчас уйдет совсем, -- но вдруг, обернувшись, он останавливался и возвращался, и лицо его становилось все яснее, и это было мое лицо".

Подозрения в мистификации сна тем более становятся отчетливыми, что перед сном Герман загадывает Лиде загадку - о "месте, куда мы рано или поздно попадем" (инфернальную загадку).

На довольно печальную для Германа развязку романа указывают и соответствующие первой букве его имени "виселицы" - " к спортивному плацу, и там действительно выстроены новья, сложные, гимнастические виселицы, которыми некому пользоваться". Развязку романа предчувствует и Ардалион, выбирая фон для нарисованного им портрета Германа - "Все это - на фасонистом фоне с намеками не то на геометрические фигуры, не то на виселицы".

Вот описание сна Германа, по мнению Курицына, примыкающего к набоковским "скатам". "Из темноты, навстречу мне, выставив челюсть и глядя прямо в глаза, шел Феликс. Дойдя до меня, он растворился, и передо мной была длинная пустая дорога: издали появлялась фигура, шел человек, стуча тростью по стволам придорожных деревьев, приближался, я всматривался, и, выставив челюсть.. он опять растворялся".

Это мотив приближения, неминуемого оборачивающегося отдалением - как в "Даре".

Во снах Германа оживают мотивы Достоевского, считают критики. Вот что пишет Жан-Филипп Жаккар: "В середине же «Отчаяния», т. е. в конце пятой главы, в какой-то гостинице Герман спит со своим «двойником» и видит страшный сон, переполненный мотивами из мира Достоевского («На листьях виднелись подозрительные пятна, вроде слизи...»; 456)"

Сны Германа анализирует Е.В.Зайцева в статье о Достоевском и "Отчаянии".

1-ый сон. Герман идет по обыкновенному коридору, в конце которого расположена пустая, голая, выбеленная комната. Зайцева считает - идет "без цели и без смысла". Но вот в комнате появляется двойник - и жизнь Германа обретает смысл. "Герман нашел себя".

2-ой сон. О беленькой лже-собачке, с черными глазками жучьей личинки. По структуре сон похож на сновидение Свидригайлова " с его тройным кошмаром". Это подобие собачки - знак свыше, который призывает героя отказаться от намеченного убийства, совет судьбы - «Я чувствовал себя по-детски свежим после недолгого сна, душа моя была как бы промыта, ... щедрый остаток жизни мог быть посвящен кое-чему другому, нежели мерзкой мечте». Герман действительно сбегает из номера, где ночует вместе с Феликсом. "Но только на время отступает от своего плана". Герман не прислушивается к "знаку" полностью - и не отказывается от своего намерения.

Е.Полева сравнивает лже-собачку, явившуюся во сне Герману, с его будущей жертвой -

Во сне Феликс уподобляется собачке с «глазками жучьей личинки». Собачка-личинка семантически соотносится с дружбой и верностью (собака), а также с процессами рождения (личинка). В результате метаморфоза (биологического процесса превращения личинки во взрослое существо) личинка значительно видоизменяется. Но Феликс – это лже-собачка-личинка, соответственно, она соотносится в данном контексте с врагом, предательством, предугадать её развитие невозможно. После

неприятного сна Герман спонтанно решает отказаться от осуществления убийства и чувствует себя «по-детски свежим» [С. 39#]
(Этика, с. 36).

Итак, Герману снится пустая комната. С.Саенко в статье «Мотивация двойничества в романе В. Набокова „Отчаяние”» интерпретирует появление пустой комнаты в символическом ключе и утверждает, что ее вид свидетельствует о "внутренней пустоте" героя.

«...но однажды, — замечает он, — в незабвенный день, комната оказалась не пуста, — там встал и пошел мне навстречу мой двойник. Тогда оправдалось все: и стремление мое к этой двери, и странные игры, и бесцельная до тех пор склонность к ненасытной, кропотливой лжи. Герман нашел себя».

В связи со сном Германа Васильева М.А. рассуждает о специфической роли "тени" в романе. «...Он опять растворялся, дойдя до меня, или вернее войдя в меня, пройдя сквозь меня, как сквозь тень» (с. 427), — описывает Герман видение Феликса в своем сне, тем самым недвусмысленно давая понять, что он, главный герой, — тень другого" (с.204).

Еще одно сновидение героя, о котором пишет Васильева - "«...когда я ложился ничком, то видел под собой битые камни дороги, движущейся как конвейер, а потом выбоину, лужу, и в луже мое, исковерканное ветровой рябью, дрожащее, тусклое лицо,—и я вдруг замечал, что глаз на нем нет» (с. 205). Здесь есть мотив, содержащийся в сюжете романа - в портрете Германа Ардалион не пишет глаз, оставляя их "напоследок". Это отсутствие глаз, по мнению Васильевой, свидетельствует о том, что у Германа "нет души" (странное заявление, - ИП). На мой взгляд, речь идет скорее о слепоте героя, его недалновидности в истории с преступлением, в котором он допустил ошибку.

Речь идет и о повести Гоголя "Портрет", в которой как раз глаза портрета были наиболее выразительны и обладали inferнальной силой.

По иронии судьбы, в портрете, написанном Ардалионом, вообще нет никакого сходства. Исследовательница указывает в связи с этим на мотив несовпадения как авторскую альтернативу концепции двойника. Речь идет о двух мирах:

1. Германа. Логически выстроен. Все предусмотрено до механистичности. Здесь есть "совершенный двойник"..

2. За пределами мировидения Германа. Враждебный Герману мир. Наполнен несовпадениями, случайностями. Двойника здесь нет.

О категории пустоты, связанной с образом героя в "Отчаянии", которая якобы коррелирует с идеями апофатического богословия, неоплатонической концепцией и "понятием пустой материи", рассуждает та же Васильева. В пустоте Германа якобы мало созидательного. «Я был совершенно пуст, как прозрачный сосуд, ожидающий неизвестного, но неизбежного» (с. 400), — скажет Герман про себя в самом начале повествования, а в конце признает свое поражение: «...у меня наполнялась бесплодным и ужасным смятением моя просторная, моя нежилая душа» (с. 509).

Вот один из эпизодов романа - «Конан Дойль! Как чудесно ты мог завершить свое творение, когда надоели тебе твои герои! Какую возможность, какую тему ты профукал! Ведь ты мог написать еще один последний рассказ, — заключение всей шерлоковой эпопеи, эпизод, венчающий все предыдущие: убийцей в нем должен был бы оказаться <...> сам доктор Ватсон, чтобы Ватсон был бы, так сказать, виноватсон» (цит. по: Егорова, 20).

В нем есть языковая игра "ВИНО - ВАТСОН - ВИНОВАТ - СОН" (на нее обращает внимание Егорова). В ней герой испытывает желание свалить свою вину в преступлении, им совершенном, на "сон". Ему не хочется признавать себя виновным и нести ответственность за содеянное. В финале романа, по выражению Набокова, "то, что принимал за сон - легкий и безответственный - начинает вдруг остывать явью". За выдуманный Германом сюжет повести его ждет не награда (в виде признания читателей), а действительное наказание.

Т.Г.Кучина и М.Ю.Третьякова в своей статье "Сюжетно.." отмечают, что сны Германа являются пророчествами - намеками. После первой встречи с Феликосом ему снится человек, стучащий палкой о стволы деревьев (так может делать слепой, боящийся потерять дорогу, отмечают авторы статьи) - кроме того, на искаженном лице отсутствуют глаза - " все это предзнаменования визуальной аберрации, произошедшей с Германом и ведущей его к неминуемому краху".

Кроме того, трактуется сон о лже-собачке. Она интерпретируется как "двойник" самого Германа. Это он сам, а не собачка (якобы) - "гротескная гнусная мимикрия".

Сновидение Германа - голая, заново выбеленная комната - оно "так ужасно, что невозможно было выдержать". Борис Аверин сравнивает этот сон со сном Андрея Болконского - та же "пустая комната и дверь, за которой скрыто нечто невообразимо страшное" (с. 297).

Другой претекст сна Германа - фраза Свидригайлова, определяющего вечную жизнь как "баньку с пауками" - "Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам - пауки, вот и вся вечность" (с. 298).

Замечено, что Набоков поднимает здесь вопрос о трансцендентном - однако не нуждается в "подписи к картинке", как Толстой и Достоевский. Для Набокова "подсказка заключена в самой картинке".

Вот что пишет А.В.Млечко по поводу одного из снов Германа:

Чаемое Германом (и, если внимательно прочесть роман, ощущаемое именно как галлюцинаторное, навязчивое, болезненное) сходство с Феликсом грезится рассказчику в преследующих его кошмарах, где он не может различить смотрящие на него из кривых отражений чудовищные лица (Отчаяние, с. 62).

«Отражения, повторения, маски» (III, 421) являются основой и действительных германовских снов, с их двойниками и лжесобачками, которые, повторяя и незаметно перетекая в явь, составляют с ней единое целое. Недаром в самом конце романа Герману кажется, что «все это — лжебытие, дурной сон, и я сейчас проснусь где-нибудь — на травке под Прагой» (III, 462), т. е. там, где в первой главе романа, и именно «на чахлой траве» за Прагой, Герман впервые увидел своего спящего двойника", - пишет О.Сабурова (Автор..)

Пространство сновидений, как известно, - это мир подчас обманный, недостоверный. Логика этого пространства переносится Германом и на действительный мир, и на мир религиозных представлений, что замечает И.Саморукова, написав: "Рай видится Герману подделкой, а вернее проделкой, "демона-мистификатора", где вместо родных душ - лишь "гнусный фокус" – белые холодные собачки" (Архетип..).

Статус сновидения имеет и сюжет, выдуманный Германом - о двух двойниках - Игреке Иксовиче и Дике: "Покамест я это писал, мне казалось, что выходит очень умно и ловко, -- так иногда бывает со снами, -- во сне великолепно, с блеском, говоришь, -- а проснешься, вспоминаешь: вялая чепуха". Этот сюжет еще раз подтверждает то, что двойник появляется в романе в логике сновидения. Это тема иррационального, обманного, что вторгается в жизнь Германа.

И на преступление Герман идет словно бы во сне. Во всяком случае, в день его последней встречи с Феликсом появляются такие размышления - "...вспоминал какой-то спор, бывший у меня когда-то с кем-то на какой-то станции, о том, можно ли видеть солнце во сне".

После убийства герой словно действует по логике сна, иррационально. Он не сдерживается и кричит на постояльцев гостиницы, осуждающих убийство. Он лихорадочно ищет в газете нужную статью, не замечая, что взял не ту газету: "Я вскочил и с невероятным грохотом ее захлопнул. Вытащил из-под кровати газету, - но уже не мог найти в ней то, что читал только-что. Я ее просмотрел всю: ничего! Неужели мне приснилось? Я сызнова начал ее просматривать, -- это было как в кошмаре, -- теряется, и нельзя найти, и нет тех природных законов, которые вносят некоторую логику в поиски, -- а все безобразно и бессмысленно произвольно. Нет, ничего в газете не было. Ни слова. Должно-быть я был страшно возбужден и безтолков, ибо только через несколько секунд заметил, что газета старая, немецкая, а не парижская, которую только-что держал".

Снятся ему и настоящие сны - "Мне приснилось, что после долгих, непоказанных во сне, подразумеваемых розысков, я нашел наконец скрывавшуюся от меня Лиду, которая спокойно сказала мне, что все хорошо, наследство она получила и выходит замуж за другого, ибо меня нет". Даже в этом сне, с его искаженной логикой, герой не достигает счастья со своей женой (о котором мечтал).

2.5. ГЕРОЙ КАК НЕНАДЕЖНЫЙ РАССКАЗЧИК

Вот как определяет фигуру ненадежного повествователя "Википедия" - "Ненадёжный повествователь — герой-повествователь, сообщающий заведомо недостоверную информацию. При этом происходит нарушение негласного договора между автором и читателем, согласно которому события должны описываться достоверно".

По замечанию Джеймса Фрея («Как написать гениальный роман»), любой автор, приступая к сочинению нового произведения, заключает с читателем негласный договор, что события будут

развиваться последовательно, а рассказчик — «играть по правилам». Однако в некоторых случаях возможны отступления от принятых в литературе стандартов. В качестве примера Фрей приводит ситуацию, когда герой-повествователь, действующий в фантастическом произведении, делится своими впечатлениями о встрече с невыносимой красавицей. Позже выясняется, что речь идёт о ящерице.

Образец Н.П. - Поприщин из гоголевской повести "Записки сумасшедшего". Также в качестве примера "Википедия" приводит повествователей романа Ю.Олеси "Зависть" и Леонида Добычина "Город Эн". "Его текст должен, таким образом, читаться заново как недостаточно резко наведённый на действительность" ("Википедия").

Среди хрестоматийных ненадёжных повествователей отмечаются персонажи произведений Владимира Набокова: Смуров из повести «Соглядатай», Герман Карлович из романа «Отчаяние».

В статье "Присутствие в интерьере как приём характеристики персонажа в романе В. Набокова «Отчаяние»" Мастепак Т.Г. утверждает, что повествование в романе - "недостовверное". Оно представляет собой отражение сознания Германа, который уверяет читателя в том, что он гениален. Он описывает себя как «умница, смельчак», ему «не чужда склонность к богеме».

О том, что Герман - ненадежный рассказчик пишет и А.Люксембург: "Герман, ожидающий появления полиции, берется сочинять текст, который должен позволить ему оправдаться перед потомками. Однако он лжив и непоследователен, сам не понимает того, что берется анализировать, и совершенно превратно трактует все факты, которые затрагивает в собственном тексте. Например, Герман убежден, что жена Лида души в нем не чаёт, хотя читателю очевидны все обстоятельства ее пошлого адюльтера с кузеном, художником Ардалионом."

Об этом же говорит и увлеченная идеями Фрейда Е.А.Бажанова. Его откровения, по словам исследовательницы, не могут служить источником достоверной информации. Причем поданная Германом информация местами противоречива. Например, герой рассказывает, что предложил Феликсу взглянуть в зеркало в первую их встречу, а затем говорит, что не пользуется зеркалами. "Предлагая читателю поверить повествованию Германа, В.Набоков гиперболизирует диагнозы повествователя, высмеивая при этом метод нелюбимого им самим доктора З.Фрейда" (Бажанова, 2018, 20). Речь идет и о "постмодернистской игре" с читателем.

И.С.Беляева в статье "Победа автора над рассказчиком: "Отчаяние" В.Набокова как "насквозь пародийный роман"" говорит о борьбе писателя со своим героем в романе, предлагает оценить противостояние рассказчика и имплицитного автора в нем.

Герман аттестует свое произведение как повесть, Набоков - как роман. И это будто бы не единственное различие позиций автора и его героя. Исследовательница находит в "Отчаянии" целых два повествовательных уровня, между которыми якобы происходит борьба, заканчивающаяся победой автора. Герман назван принципиально ненадежным повествователем. Его эстетическая установка - почему-то прямо противоположной эстетическим воззрениям самого Набокова - как человека и писателя. Набоков якобы "удваивает" текст романа (каким образом? - ИП), повторяет слова оригинала, но ИЗМЕНЯЕТ ИНТОНАЦИЮ (?? - ИП), ПЕРЕНОСИТ ВНИМАНИЕ НА ДРУГИЕ ДЕТАЛИ (?), высмеивает, пародирует смысл текста Германа. Он якобы отвергает писательскую установку Германа и развенчивает его как художника.

Пространство, на котором действует автор (Набоков) - это якобы 11-ая глава, глава, которая написана Германом, хотя и не предусматривалась им (он намеревался написать повесть из десяти глав и завершить ее счастливым эпилогом). Она, эта глава, написана после того, как прочитав повесть, Герман обнаружил в ней "ошибку". Исследовательница предлагает нам "сосредоточиться" на этой главе. Что ж, попробуем проследить движение ее мысли.

По словам Беляевой, фактически вместо повести Герман пишет дневник (что соответствует скорее планам Набокова, чем его самого). Налицо его признаки - повествование от 1-го лица, свобода в выражении мыслей и чувств автора дневника, и предельная субъективность. Герман отказывается от названия "Записки.." По мнению исследовательницы, это намек на гоголевские "Записки сумасшедшего", пародирующие жанр дневника (и в которых между рассказчиком и автором имеется определенная дистанция, так же, как в "Отчаянии").

В 11-ой главе меняется композиция повествования. Начинается она с горького признания - "Я на новом месте: приключилась беда". Всю повесть события развивались по сценарию Германа, но в 11-ой главе он безсилен контролировать ход развития событий. Набоков, по мысли И.С.Беляевой, выступает "хозяином" главы, которая создается Германом в форме дневника. Исследовательница находит отличие 11-ой главы от остального текста: благодаря форме дневника (личной, интимной) акцент в повествовании еще более смещается на фигуру Германа. Набоков "продолжает завершать

свой роман". Для него дневник Германа - событие "литературно-художественное". Эта 11-ая глава якобы полностью принадлежит Набокову, является для него "своей". Эта единственная глава как будто отражает в кривом зеркале всю повесть, изменяет отношение читателя к идеям, которые провозглашал герой - удвоения и симметрии.

В 11-ой главе автор (Набоков) якобы торжествует и насмехается над своим героем (неужели вот так примитивно? стоит ли для этого писать роман? - ИП). Эпизоды этой главы "пародийно искажают" (и в этом исследовательница также видит происки автора) детали повести Германа.

И.С.Беляева в статье "Победа автора над рассказчиком" обращает внимание на мотив ветра в романе, который задувает еще в первой главе и усиливается к десятой - до ураганного. Ветер, по мнению автора статьи, - это проявление "имплицитного автора", который якобы таким образом показывает себя рассказчику. Замысловатая трактовка! Замечается кстати, что в 11-ой главе ветер стихает. Автор одерживает якобы окончательную победу над рассказчиком и ветру уже незачем дуть (Т.Г.Мастепак и Е.А.Полева говорят в своей статье о мотиве ветра (бури) в "Отчаянии", что в центре повествования романа стоит фигура "недостовверного персонажа", чье слово отражает субъективный взгляд. Этот персонаж далеко отстоит (якобы) от автора - носителя концепции произведения).

Вставной эпизод из главы 11 "отражает" два эпизода - близнеца из второй и девятой глав. "Это две поездки Германа на место преступления: летняя поездка в компании Лиды и мартовская поездка с Феликсом, которого Герман привозит туда, чтобы убить". Ардалион оставляет на месте преступления бутылку водки, а Герман - палку.

Беляева считает роман "насквозь пародийным".